

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.22>

Цуканов Евгений Александрович

**КОНЦЕПЦИЯ УДВОЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ Н. ЛУМАНА: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ
ВЛИЯНИЯ ГНОЗИСА НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАТЕОРИИ**

Статья посвящена рассмотрению концепции удвоения реальности немецкого социолога Никласа Лумана в контексте гностической мировоззренческой парадигмы эпохи, которая привлекается для обоснования медиального сдвига, произошедшего в современном обществе информационного типа и приведшего к реактуализации древних оккультно-мистических и квазифилософских парадигм, связанных с ближневосточными религиозными практиками начала христианской эры. Тревогу исследователей вызывает наличие нигилистических черт современных медиа, копирующих поведенческие стереотипы гностических антисистем Василида, Валентина и Саторнила.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/5/22.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(91) С. 98-101. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 02.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.22>

Статья посвящена рассмотрению концепции удвоения реальности немецкого социолога Никласа Лумана в контексте гностической мировоззренческой парадигмы эпохи, которая привлекается для обоснования медиального сдвига, произошедшего в современном обществе информационного типа и приведшего к реактуализации древних оккультно-мистических и квазифилософских парадигм, связанных с ближневосточными религиозными практиками начала христианской эры. Тревогу исследователей вызывает наличие нигилистических черт современных медиа, копирующих поведенческие стереотипы гностических антисистем Василида, Валентина и Саторнила.

Ключевые слова и фразы: медиареальность; медиа; медиасистема; гностицизм; гнозис; медиатеория; массмедиа.

Цуканов Евгений Александрович, к. филол. н., доцент

*Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
tsukanov@rambler.ru*

КОНЦЕПЦИЯ УДВОЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ Н. ЛУМАНА: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ ГНОЗИСА НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАТЕОРИИ

Медиареальность как реальность, заданная новыми технологиями, на сегодняшний день находится в объективе целого спектра наук и имеет довольно долгую историю изучения. Концепция удвоения реальности немецкого социолога Н. Лумана родилась на пересечении социологии и области знания, которая впоследствии получила название медиафилософии.

Информационным поводом нашего исследования стала небольшая заметка А. Сорокина [11], в которой автор с целью понимания природы массмедиа призывает аудиторию обратиться к исследованиям Н. Лумана, известного научному сообществу не только в качестве создателя концепции социальных систем, но и также исследованиями места и роли массмедиа в современном обществе. В ходе многолетних научных поисков массмедиа были квалифицированы Луманом как обособленная и вполне самостоятельная социальная система, которая, развиваясь в собственных границах, производит медийный продукт на основе двоичного кода «информативность-неинформативность». А. Сорокин, акцентируя внимание на том, что «с гностических позиций и философы, и социологи с незапамятных времен формулируют отношение к субкультуре феномена массмедиа» [Там же], допускает по-фрейдистски интересную оговорку. Судя по контексту заметки, говоря о гностических позициях исследователей, автор заметки, скорее всего, не имел в виду комплекс религиозных течений первых веков н.э., в которых особую роль играла категория гнозиса. Но эта оговорка показалась нам крайне интересной.

Исходя из этого, целью нашего исследования является рассмотрение концепции удвоения реальности Н. Лумана в контексте гностицизма. На первый взгляд заявленная цель выглядит несколько неожиданно, если не сказать – некорректно: что может быть общего у современной научной теории и одного из многочисленных позднеантичных религиозных течений, использовавших мотивы Ветхого Завета, восточной мифологии и ряда раннехристианских учений? Оказывается, точек соприкосновения гораздо больше, чем можно было ожидать при первом приближении к проблеме.

Отправной точкой поиска корреляции научной медиатеории и древнего религиозного течения является работа современного американского философа Э. Дэвиса, который убежден, что технология – это не только совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата, но и магическое заклинание, трюк, приспособление, которое и формирует контуры реальности [3]. Исследователь также высказывает мысль о том, что именно мистические импульсы гностицизма питают увлеченность западного мира технологиями (и в первую очередь технологиями коммуникации), а современная медиакultura эксплуатирует грубую силу иррационального [Там же]. В качестве доказательства ученый приводит тот факт, что технологический энтузиазм уже с эпохи Древнего мира нашел воплощение в культовой фигуре гностицизма – Гермесе Трисмегисте, а сами технологии стали стартовыми площадками «развоплощенных полетов гнозиса» [Там же]. Следовательно, сплав технологий с гностицизмом начался еще в Александрии Египетской и продолжается по сей день, а цифровой мир воплощает холодную матрицу гнозиса, представляющую собой, по мнению Э. Дэвиса, скорее код, чем телесную реальность [Там же].

Однако прежде чем перейти к описанию основных черт гностического мироощущения, заложившего контур не только древнего, но и современного мировоззрения, нам необходимо определить терминологически. В самом строгом смысле под гностицизмом следует понимать непосредственно группу религиозных систем до II века до н.э. включительно, классификация которых была предпринята М. Э. Посновым: 1) дохристианский гнозис; 2) гностицизм I и II веков; 3) восточный (сирийский) гностицизм; 4) западный (александрийский) гностицизм [9]. Следует отметить, что помимо приведенной классификации М. Э. Поснова, существуют и другие: А. Ф. Лосева, Г. Йонаса, В. Соловьева, А. Слобожанина и др. Что касается понятия «гнозис», иногда употребляемого в качестве синонима гностицизма, то оно, являясь более широким, включает в себя все гностицирующие синкретические учения древности, Средних веков, Нового и Новейшего времени, к коим можно отнести широкий круг таких ересей, как катары, вальденсы, альбигойцы, а также

секты герметической и кабалистической направленности, разновидностей которых можно встретить и сегодня. Исходя из вышеизложенного, Е. Сельченко считает, что гнозис представляет собой «особую сторону нашей психики, реализуемую как массовое явление в отдельные исторические периоды», в связи с чем сохранился как трудно доказуемая, но легко узнаваемая примета [10, с. 48]. Мнение Е. Сельченко созвучно мнению Э. Матуровой, которая считает, что гностицизм, обладая глубинно-экзистенциальным характером, представляет собой некий универсальный аспект человеческого разума и находит свое выражение в науке, философии, искусстве, литературе и т.д. Эти идеи, будучи регулярно оттесняемыми на периферию культуры, тем не менее оказываются востребованными во все культурно-исторические периоды [8].

Если кратко изложить основные черты гностического мировоззрения, то в первую очередь следует сказать о его неприятии материального мира. Человек оказался заброшен в этот враждебный, лишенный блага и справедливости мир. Страх и трепет определяют основную черту гностического мировоззрения и мироощущения. Гностицизм послужил основой формирования философских представлений и концепций. Как отмечает Г. Логинов, пребывание в гностическом дискурсе позволило С. Кьеркегору «наслаждаться бездной», Ницше – в ней «заглядывать», а постмодернистам – в ней обосноваться [6]. К числу представителей русской философии, чье творчество содержит элементы гностического мироощущения, можно отнести В. Ильина, Л. Карсавина, Н. Бердяева, П. Флоренского, В. Соловьева и др. Ту или иную степень воздействия гностицизма испытала и отечественная литература, в частности, такие писатели, как А. Белый, В. Брюсов, Ф. Достоевский, Л. Толстой. Экзистенциально ориентированная культурология в своих мировоззренческих установках также имеет сходство с гностицизмом в понимании того, что культура представляет собой объективацию духовной свободы человека в форме конструирования некой интуитивно-психической реальности [8].

Следует признать, что и современное научное мировоззрение имеет много черт, приводящих к тем же выводам, что и гностическое: миром правит случайность или бездушные законы природы, естественный отбор или генные мутации, а космос представляет собой темницу души. Именно поэтому избранные люди (пневматики) оказываются по отношению к нему в абсолютном противостоянии. Предположим, что некоторые черты гностического мировоззрения и мироощущения проникли и в медиатеорию. Если такой факт имеет место, то роль гнозиса в формировании медиатеории должна быть выявлена и продемонстрирована.

Уже при самом беглом взгляде на проблему следует отметить, что свойственное гностическому сознанию бегство от историчности нашего существования вынуждает его прятать свой страх в некоей фиктивной реальности [13]. Общий контур этой новой реальности, ныне квалифицируемой в качестве медиареальности, производимой, представляемой и обособляемой медиа, заключающими всю полноту живого существа в закрытую систему, позволяет нам навести хрупкий мостик между гностицизмом и медиатеорией [Там же]. Одним из важнейших признаков, который позволяет перекинуть нам этот мостик, как раз и является эффект удвоения реальности, на который обратил внимание Никлас Луман. Он признавал свою идею слишком тривиальной, что, по-видимому, действительно так, если не подвести под нее гностическую традицию. В связи с этим мы можем предположить, что концепция удвоения реальности Н. Лумана была обусловлена гностическим мироощущением эпохи.

В самом деле, что удивительного в том, что Н. Луман вдруг обнаруживает зазор между реальностью подлинной и реальностью массмедиа, констатируя их взаимное обособление? Другое дело, если мы проведем параллель между двумя реальностями Н. Лумана и двумя реальностями в гностицизме – плеромой реальности подлинной и кеномой реальности мнимой, производной от массмедиа и производимой массмедиа. По Н. Луману, реальность массмедиа всего лишь выглядит как реальность, на самом деле являясь непрочным конструктом, «воспроизводящим трансцендентальную иллюзию» [7, с. 13-14]. И было бы, наверное, рационально держать ее на подозрении, что хорошо коррелирует с афористическим предупреждением привлеченного нами автора: «Мы так много знаем о массмедиа, – говорит он, – что не можем доверять им» [Там же, с. 8].

Почему же здесь следует говорить именно о гностической подоплеке, а не о какой-то другой? Дело в том, что лумановская тема обособления реальности медиа и, как следствие, удвоения мира имеет под собой сугубо эвристический подтекст, отсылающий к герменевтическим упражнениям гностиков. При огромном количестве различных нюансов, отличающих одно гностическое учение от другого, неизменным их инвариантом всегда остается тезис о дробящейся структуре универсума. Именно распад мира выступает в качестве константы, определяющей фирменный почерк гностицизма, «запатентованную товарную марку» на все времена. Думается, что эксцессы удвоения (и шире – умножения) сущностей, типа эонов, при интерпретации любого феномена, включая и СМИ, могут свидетельствовать о болезненном состоянии упадка духа в обществе и среди интеллигенции.

Аналогично тому, как на излете античности гностик Василид культивирует миф о 365 ангелах, творящих материальный порядок, современные теоретики журналистики производят на свет два десятка её разновидностей – информационная, интерпретационная, авторская, развлекательная, новая, исследовательская, открывающая, адвокативная, сетевая, гражданская, персональная, гонзо-, презентационная, потребительская и даже тотальная [4]. Этот хаотический список аллюзивно перекликается с пародийной классификацией животных из эссе Х. Л. Борхеса, в которой представители фауны распределялись согласно неведомому критерию на причудливые ранги: принадлежащих императору, набальзамированных, прирученных, молочных поросят, сирен, сказочных, бродячих собак, включенных в данную классификацию, бегающих как сумасшедшие, бесчисленных, нарисованных тончайшей кистью, из верблюжьей шерсти, прочих, разбивших цветочную вазу и похожих издали на мух [1]. На фоне борхесовской классификации категориальный беспорядок разновидностей журналистики, естественно, не кажется таким уж чудовищным, однако хочется все-таки задаться вопросом: неужели сетевая журналистика не в состоянии быть одновременно гражданской или развлекательной?

Заимствуя названия видов у зарубежных теоретиков, отечественные теоретики журналистики не замечают, что порождаемая типология лишь усложняет и фрагментирует целостное представление профессионального медиасообщества о себе самом. Отечественные исследователи, вероятно, должны более осторожно перенимать западные стандарты толкования мира хотя бы в свете того, что на западе увлечение гностицизмом имеет глубокие корни и проникает в интеллектуальные элиты [5], что девальвирует высокую культуру, подталкивая социум к гуманитарной катастрофе.

Попытки интерпретации мира за счет метафоры распада неминуемо обращаются познавательной путанностью, которая представляет собой измененное ментальное состояние, аналогичное опьянению, при котором бытие двоится, троеится, четверится и т.д. до бесконечности, расплываясь в тумане безумных галлюцинаций. Подобные девиантные состояния в психиатрии именуют делирием (от лат. *deliro* «брежу»), который может проявляться как в форме мимолетного помрачения, так и в форме комы. И тем не менее восприятие медиареальности как двойника первичной реальности уже прочно укоренилось в науке. Постепенно происходит привыкание к новой биполярной топике Бытия, в которой четвертая власть – медиакратия – серьезно конкурирует с объективной данностью, выстраивая ситуацию устойчивого паритета. Но хрупкое равновесие в XXI веке все чаще нарушается в связи с тем, что медиареальность чувствует в себе силы наступать. Она бросает вызов реальности номер один в своем стремлении к аннексии ее территорий. Теперь уже много говорится о медиатизации живых человеческих отношений, политического дискурса, экономических институтов, культурных процессов.

Известно ли нам, что стоит за этим сдвигом в виртуальное? Веселый праздник всеединства и сверхвозможностей или же трагический синтез живого и мертвого, в котором живое априори обречено на поражение? Скажем прямо, что человек еще никогда в истории не существовал синхронно в таком количестве инсценированных миров: мир дамских сумок, штор, обоев, холодильников, продуктов питания, диковинных миров глушителей и карбюраторов. При этом в перспективе маячит тенденция дальнейшей, еще более дробной дифференциации гетерогенных зон. Жизнь растрескивается на сектора, и медиа суппортируют этот гибельный дрейф в область взыскуемого гностиками Не-сущего, профанным эквивалентом которого является неопределенность (знакомая в физике как энтропия).

В этой связи лумановское суждение «чем больше информации, тем значительнее неопределенность» [7, с. 110] приобретает совсем уж апокалиптическую окраску – «чем больше информации, тем ближе конец всего существующего». И если обычного человека мысль о завершении истории не может радовать, то гностика – наоборот. Под предлагаемым Н. Луманом углом зрения многое видится совершенно пессимистично: как, например, то, что «массмедиа распространяют неведение (Ignoranz) в форме фактов, которые нужно постоянно обновлять с тем, чтобы этого никто не заметил» [Там же, с. 45]; или то, что «серийное производство новостей является прямым доказательством наличия обмана» [Там же]; или то, что «истинное интересует массмедиа в очень ограниченных пределах» [Там же, с. 47]. И пусть новизна нового здесь наделяется восхитительным статусом «мистерии первоначала» [Там же, с. 23], нас это не может ввести в заблуждение, поскольку в действительности «никто не знает, насколько велик его запас» [Там же, с. 38]. Искусственно же продуцируемые в рамках аутопоэзиса массмедиа беспокойство и раздражимость общества, а также озабоченность ожиданием сюрпризов создают предпосылки к неэффективному расходованию энергии общества и форсированному перегреву социальной системы, нагнетанию усталости и апатии. В рекурсивном водовороте аутопоэзиса информация циркулирует в режиме самовоспроизведения, когда комментарии дают повод для критики, а критика – служит поводом для комментариев. Указанный алгоритм, на наш взгляд, воспроизводит в динамике узнаваемый символ гностицизма – уроборус – змею, кусающую свой хвост. Печально, конечно, что массмедиа нужно говорить даже тогда, когда говорить не о чем [Там же, с. 195], но заполнять печатное пространство и эфирное время есть организационное требование уроборуса.

Вслед за Н. Луманом, мы также недоумеваем, как стало возможным освобождение массмедиа из-под власти «реальной реальности» и их одичание? Знание того, как они вырвались в сферу недостаточной подлинности, поможет их обратной domestикации. Полагаем, что своеобразный апокатастасис медиа в своих природных правах произойдет при условии очищения их от феноменологических напластований лжеименного гнозиса. Но для успешной реабилитации необходимо прочно утвердиться во мнении, что гностицизм не может быть чаемым идеалом из-за того, что он, во-первых, упадочно-депрессивен [14, с. 12], во-вторых, он настолько пессимистичен, что неуместен в текущем веке прогресса [12], и, наконец, он отвратительно пустотен, что вынуждает его к вампирско-оборотническим [2, с. 374] стратегиям паразитирования. Сделать несостоятельными хотя бы самые извращенные гностические утопии, наподобие философской программы Эдуарда фон Гартмана, который еще в XIX столетии, будучи возмущен тем фактом, что в мире все не на своем месте, предлагал использовать совокупный потенциал имеющихся средств массовой коммуникации для коллективного суицида всего человечества, – наш долг перед ее величеством историей.

Список источников

1. Борхес Х. Аналитический язык Джона Уилкинса // Борхес Х. Сочинения: в 3-х т. М.: Полярис, 1994. Т. 2. С. 83-87.
2. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: АСТ, 2008. 575 с.
3. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху [Электронный ресурс]. URL: <https://coollib.com/b/87347/read#t11> (дата обращения: 28.04.2018).
4. Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2013. 334 с.
5. Кургиян С. Исав и Иаков. Судьбы развития в России и в мире: в 2-х т. М.: Экспериментальный издательский центр, 2009. Т. 2. 572 с.

6. **Логинов Г. А.** Цивилизация постмодерна как гностическая цивилизация и торжество небытия [Электронный ресурс] // Credo New: международный теоретический журнал. 2018. № 2. URL: <http://credo-new.ru/archives/1368> (дата обращения: 30.04.2018).
7. **Луман Н.** Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
8. **Матурова Э. З.** Гностическая духовная традиция как культурно-философский феномен: автореф. дисс. ... к. филос. н. Казань, 2013. 21 с.
9. **Поснов М. Э.** Гностицизм II-го века и победа христианства над ним [Электронный ресурс]. URL: <http://mstud.org/library/p/posnov/gnosticism.htm> (дата обращения: 01.05.2018).
10. **Сельченко Е. К.** Проблема восприятия и интерпретации гностицизма в гуманитарном знании XX в. // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы III международ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 20-21 октября 2016 г.) / отв. ред. О. И. Уланович. Мн.: Колорград, 2016. С. 47-51.
11. **Сорокин А.** Откуда берутся «новости» [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2005. 4 августа. URL: http://www.ng.ru/konsep/2005-08-04/7_novosti.html?id_user=Y (дата обращения: 01.05.2018).
12. **Хёллер С.** Гностицизм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/gnosticism-read-431978-1.html> (дата обращения: 03.05.2018).
13. **Шмидт П.** Гностицизм вчера и сегодня // Символ. 1982. № 7. С. 60-70.
14. **Яковенко И. Г., Музыкантский А. И.** Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2011. 320 с.

**N. LUHMANN'S CONCEPTION OF REALITY DOUBLING:
ON THE POSSIBILITY OF GNOSIS INFLUENCE ON THE MEDIA THEORY FORMATION**

Tsukanov Evgenii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
tsukanov@rambler.ru

The article is devoted to the conception of reality doubling by the German sociologist Niklas Luhmann in the context of the gnostic worldview paradigm of the epoch, which is used to substantiate the medial shift that occurred in the contemporary information society and led to the reactivation of the ancient occult-mystical and quasi-philosophical paradigms associated with the Middle Eastern religious practices of the beginning of the Christian era. Researchers are concerned with the presence of nihilistic features of the modern media that copy the behavioral stereotypes of the gnostic antisystems of Basilides, Valentine and Saturnilus.

Key words and phrases: media reality; media; media system; Gnosticism; gnosis; media theory; mass media.

УДК 13.130.3

Дата поступления рукописи: 24.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.23>

В статье указывается на то, что в текущих условиях первостепенное значение приобретает задача формулирования и реализации национальной идеи России. Основным качеством такой идеи должны быть консолидирующий характер и высокий ценностный потенциал. Автор выражает согласие с тем, что основу национальной идеи должен составить патриотизм, но уточняет важность научно-философской дефиниции Родины как объекта патриотизма во избежание политизации и привязки реализуемой национальной идеи к интересам конкретных социально-политических групп. Анализируются дискуссионные аспекты дефиниции понятия «Родина», определяются методологические предпосылки их разрешения.

Ключевые слова и фразы: Родина; Россия; патриотизм; национальная идея; государство; святыня; высшая ценность; духовная субстанция.

Чикаева Татьяна Александровна, к. филос. н., доцент
Московский художественно-промышленный институт
ittoi@rambler.ru

«РОДИНА» КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Сегодня следует признать то, что процессы глобализации носят объективный и необратимый характер. Вместе с тем глобализация объективно не требует унификации национального бытия и культуры, напротив, реально существующие попытки пренебречь особенностями национального менталитета, деформировать систему ценностей национальной культуры приводят к негативным последствиям. В этом можно убедиться, оценив международную политическую и социально-экономическую обстановку. Понимание, чёткое формулирование и реализация национальной идеи, под которой следует понимать комплекс и иерархию ценностей, составляющих и предопределяющих историческую связь конкретного народа и человечества [19, с. 440-441], является объективной необходимостью. Важно не допускать подмену национальной идеи программой политической партии или социально-политической группы, в отличие от идеологического или правового документа, она не обязательно должна быть закреплена в конкретном акте. Национальная идея, как справедливо отмечает С. Н. Артановский, «конституируется как духовная сущность, приобретая тем самым четкость